

 НФБ: МИРЫ ЕВГЕНИЯ ЩЕПЕТНОВА

Евгений ЩЕПЕТНОВ

1972
ОЛИГАРХ

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Щ56

Разработка серийного оформления *В. Матвеевой*

Иллюстрация на переплете *С. Дудина*

Щепетнов, Евгений Владимирович.

Щ56 1972. Олигарх / Евгений Щепетнов. — Москва : Эксмо, 2022. — 384 с. — (Новый фантастический боевик).

ISBN 978-5-04-117482-8

Отшумел, разбрызгивая горячие осколки металла и кровавые брызги ожидаемый ГКЧП. Прошло время разбрасывать камни, настало время их собирать. Михаил Карпов наконец-то свободен ехать туда, куда хочет, и делать то, что захочет. В разумных пределах, конечно. То что он задумал на первом этапе хоть и не без неприятностей, но получилось. Теперь нужно стать самым богатым человеком на земле, чтобы никто, никто не мог диктовать ему свои условия! И наоборот — стать гарантом того, что история не вернется на прежнюю кривую дорогу. Как этого добиться? Это надо хорошенько обдумать... и воплотить в жизнь. Если получится, конечно.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Щепетнов Е.В., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-117482-8

Пролог

«Пациентка — молодая женщина, рост 186 сантиметров, вес 76 килограммов. Спортивное телосложение, содержание жира в организме минимальное. Очень сильна, по словам свидетелей, легко подняла одну из пациенток, крупную, весом под 100 килограммов и зашвырнула ее в пруд, за что была лишена прогулок на неделю. И продела-ла это все спокойно, с безмятежным выражением лица. Опять же со слов свидетелей, агрессию не проявляла, а ее действия были ответными. Бро-шенная в пруд напала на одну из пациенток и едва не нанесла ей травмы».

Мужчина лет тридцати пяти — сорока в бело-снежном халате и в очках с золотой оправой вздохнул, уставился в экран ноутбука, обдумывая напеча-танное. Усмехнулся, представив картину того, как толстуха с уголовным прошлым, истошно визжа, летит в пруд, посерьезнел, продолжил:

«Внешность пациентки европейская, пациент-ка похожа на актрису Бриджит Нильсен, и похо-жесть усиливается короткой прической очень светлых волос, явно «под Нильсен». Однако на во-прос, знает ли пациентка, что похожа на дан-

ную актрису, та ответила вопросом: «Кто это такая?» Возможно, что это свидетельство того, как пациентка пытается скрыть факт наличия в ее биографии некоторых вопросов.

Тело пациентки ухоженное, явно она заботилась о себе. Имеются следы депиляции. На левой ноге — рубцы, полученные в результате операции, и следы огнестрельных ранений. И тут наблюдается странный, необъяснимый факт: за время нахождения пациентки в психиатрической лечебнице ее рубцы стали выглядеть более старыми, чем при поступлении, и пациентка практически перестала прихрамывать. Также у нее ни разу не наблюдались приступы эпилепсии, хотя в лечебницу пациентка поступила сразу же после такового приступа.

В течение всего того времени, что пациентка находится в лечебнице (а это около месяца), ей ежедневно выдавались ноотропные препараты, что никак не повлияло на ее память. Она по-прежнему не помнит своего имени, местожительства и обстоятельств, предшествующих попаданию в лечебницу.

1. Пациентка не знает, в каком году, в каком месте она находится. Но при этом осознает, что это психиатрическая лечебница, а я ее лечащий врач. Ни под одно определение психического состояния она не подпадает.

2. Полностью контактна, доброжелательно настроена к собеседнику, не проявляет агрессии.

3. Очень опрятна, даже щеголевата. Больничный халат носит так, будто это дорогое вечернее платье.

4. Речь спокойная, при этом пациентка употребляет слова, присущие образованным людям, не допуская мусорных слов и междометий. Абсолютно литературная речь. Мыслит четко, логично, при этом понимает, что больна, и не отрицает необходимости лечения. Относится к себе критично и в разговоре с врачом неоднократно говорила, что в ее голове произошел какой-то сбой, и она будет очень благодарна, если врачи найдут причину потери памяти и восстановят потерянную информацию. И при этом не поддается гипнозу, даже под действием специальных препаратов».

Врач помотал головой, задумался — надо ли об этом писать? Он вообще не был сторонником теорий заговоров и не верил в агентов и шпионов, заполонивших страну. Блок сознания, не позволяющий загипнотизировать субъекта — это только для тупых романов о Джеймсе Бонде. И красотка, найденная в провинциальном городе, в самом обычном райотделе полиции, совсем не походила на Мату Хари и Бонда, вместе взятых. Ну.. почти не походила. Откуда им тут взяться?! И зачем они, такие люди, появятся в этой дыре?! Здесь никогда и ничего не случается... кроме растраты денег, выделенных на ремонт дорог. Но это уже вопросы к губернатору.

Не стал писать ни про какие ментальные блокки. Чушь это все. Просто есть люди, восприимчивые к гипнозу, а есть те, кого гипноз не берет. Даже под специальными препаратами. И нечего огород городить. Применяй «бритву Оккама», и все будет хорошо. И снова защелкал клавишами ноутбука:

5. Предложенные ей для рассмотрения пословицы и поговорки расшифровала абсолютно точно, без каких-либо отклонений от нормы. Тест с пятнами Роршаха прошла стандартно, никаких отклонений от среднего уровня.

6. Настроение пациентки выяснить не удалось, так как она всегда находится в средне-доброжелательном настроении, и вывести ее из равновесия не представляется возможным. Она ни на что не обижается, всем довольна и благодарна. Что тоже является признаком психического расстройства, так как человек не может быть всегда и всем доволен. Даже после того, как ее лишили прогулок, она не высказала ни слова недовольства, а когда я спросил ее — почему, пациентка пояснила, что есть определенный распорядок дня и правила поведения пациентов и что она не должна была бросать хулиганку в пруд, а нужно было донести информацию до администрации клиники. Однако ей доставило большое удовольствие поставить хамку на место, и потому она не жалеет о нарушении.

7. На вопрос: «О чем вы больше всего думаете?» — ответила, что думает о том, как будет жить после выхода из лечебницы, если ее память не смогут разбудить. Ведь у нее нет документов, она не знает, как и чем будет зарабатывать на жизнь.

На вопрос: «Что вас больше всего в жизни занимает?» — ответила то же самое: социализация в обществе, нахождение в нем своего места в связи с потерей памяти.

После серии других вопросов выяснилось, что кроме главной темы — потеря памяти и нахождение своего места в обществе — пациентку вообще ничего не занимает. Она хорошо ест, адекватно себя ведет, доброжелательна и ровна с персоналом и пациентами. Ее они уважают, а после случая с брошенной в пруд уголовницей еще и боятся. Пациентка ни с кем не сходится близко, за исключением пациентки Кудасовой Елены, из-за которой и вышел вышеописанный конфликт (брошенная в пруд пациентка на нее и напала). Инициатором сближения была Кудасова, которая теперь не отходит от рассматриваемой пациентки, пытаясь вовлечь ее в разговоры. Я не препятствовал этому сближению, надеясь, что в общении с Кудасовой могут всплыть какие-то факты из памяти пациентки. Эта методика принесла некоторые плоды: пациентка якобы припомнила, что зовут ее Анастасия, и фамилия ее предположительно Соломина. Мы приняли это к сведению, и в дальнейшем она проходит по документам как Анастасия Петровна Соломина. Отчество Соломина не помнит, но предположила, что оно могло быть таким, как записано. Сказала, что так ей кажется.

Оперативная память у пациентки развита в высшей степени. Она легко запоминает цифры и группы цифр, превышая средний уровень развития оперативной памяти других людей в несколько раз. Долговременная память, наоборот, имеет огромные лакуны. Вся жизнь «Соломиной» до того, как она пришла в себя в психиатрической лечебнице — будто вырезана ножницами.

Интеллектуальные тесты прошла блестяще, без единой ошибки. Была при этом спокойна и доброжелательна. Я предложил ей сыграть в шахматы, Соломина не отказалась, и я проиграл ей за несколько ходов. Трижды подряд. Она очень умна.

Но при этом не умеет пользоваться простыми вещами, такими как мобильный телефон. Когда я предложил ей определить, что за аппарат в моей руке — она этого сделать не смогла. Как если бы никогда не видела ни одного смартфона.

Ее знания о мире ограничены — она ничего не знает о политической ситуации, не знает о государствах, существующих на Земле. Не слышала о пандемии, с которой борется весь мир. Но при этом много читала — классику, художественную литературу. Пишет без ошибок, красивым отработанным почерком.

Поставить окончательный диагноз не представляется возможным, но первичный диагноз — частичная амнезия в результате травмы головы. Собственно, ни о какой травме пациентка не помнит, но скорее всего травма была, и результатом ее явились эпилептический припадок и амнезия».

Выдохнув, врач отодвинул ноутбук, снял очки и потер глаза. Он устал. Работы много, да еще этот чертов карантин! Вчера выявили двух «ковидников», так что теперь лечебницу закрыли, объявили красную зону, и... в общем — начались проблемы. С другой стороны, будет меньше работы — теперь госпитализируют только буйных больных, а те, кто может потерпеть без больничного режима, оста-

нутся дома. А тех, кого можно выпустить, — после взятия теста и отрицательного результата отправят по домам. В каждом свинстве есть свой кусочек бекона, как говорят англичане.

Он прошел к столику, на котором стоял термос с кипятком, навел себе чашку кофе и уселся обратно, предварительно найдя в столе початую пачку печений. Ужасно хотелось спать, но дел еще было невпроворот.

Выпив кофе, он не почувствовал облегчения — спать хотел по-прежнему, и после пары печений он не заглушил голод, а есть захотелось еще сильнее. Потому врач все-таки захлопнул ноутбук и решил перенести дела на завтра. А может быть, поработать вечером, дома. С тем и отбыл из клиники, предварительно осведомившись у дежурного врача — все ли в порядке в отделении, начальником которого он и являлся. Никаких беспорядков выявлено не было, пациентки мирно сидели по своим палатам, не откусывая соседу ухо и не выкалывая глаза, так что можно было с чистой совестью отдыхать.

«Тойота-Королла» завелась с тихим шелестом и унесла врача к домашнему очагу, то бишь в трехкомнатную квартиру на улице Шелковичной.

Глава 1

— Эй, ты... слышь, чувырла! Иди сюда! Сюда, я сказала!

Настя повернула голову и без интереса посмотрела туда, откуда раздавался женский голос с эдакой наглой хрипотцой, присущей уголовным элементам. «Приблатненный» голос. Кому это она так? Неужто ей, Насте? Это было бы интересно...

Настю никто не трогал, никто не цеплял, хотя здесь кого только не было. Контингент, содержащийся в психбольнице, был очень даже разнообразным — от тихих «зомби», бродящих с направленным в пространство невидящим взглядом, до уголовниц, которых прислали сюда по решению суда для освидетельствования на предмет способности этих «клиенток» осознавать общественную опасность своих деяний. Например — была ли эта бой-баба в разуме, когда в магазине подрезала мужика, сделавшего ей замечание за то, что она громко выражалась нецензурной бранью, не обращая внимания на людей вокруг. Мужику это стоило жизни. Пьяная тварь воткнула ему нож в спину.

Настя краем уха слышала эту историю и видела бабищу — лет двадцати пяти возрастом, кряжи-

стую и сильную, как мужик. Она весила под сто килограммов, и объем ее бицепсов сделал бы честь какому-нибудь из бодибилдеров.

Настя прислушивалась ко всему, что происходило вокруг, впитывая информацию, как песок пустыни редкие капли утренней росы. Ей нужно социализироваться в этом мире, в мире, отстоящем от ее времени на пятьдесят лет, так что никакая информация точно не повредит.

Сейчас бабища докопалась до девчонки, поступившей в отделение пять дней назад. Довольно-таки красивая девчонка, только излишне надменная и нагловатая. Иногда нужно и помолчать, а она огрызается на слова санитаров, хамит врачам, а пациентов вообще ни в грош не ставит. Но вот что интересно: несмотря на то что поведение ее совершенно вызывающе — и врач, и санитары терпят все ее выходки, стараются уговорить и вообще ведут себя по отношению к ней удивительно лояльно. Да и спит она в отдельной палате, в которой есть даже телевизор! И это притом что для остальных пациентов телевизор только в общем холле и включают его не каждый день. Поведи себя так какая-нибудь другая пациентка женского отделения — неминуемо получила бы в лоб текстолитовой дубинкой. Настя видела, как это происходит — возбужнула одна буйная мадам, бросившись на санитаря с расставленными в стороны пальцами-когтями, и тут же получила в лоб дубинкой, после чего нормально потеряла сознание и завалилась на пол. Ну а потом загремела в изолятор, где ей (как говорят соратницы вокруг Насти) тут же вкатили порцию «серы»,

то бишь сульфазина, от которого человека изнутри будто сжигает огнем. И это в высшей степени неприятно, особенно когда ты привязана к медицинской кушетке.

В психиатрической лечебнице быстро ставят на место всех, кто возбуждает не по делу. Впрочем — и по делу тоже. Тут главное — отсидеть свой срок и выйти на свободу не битой, в нормальном здоровом состоянии. А для этого — соблюдай дисциплину, не устраивай истерик, не набрасывайся на санитаров и пациентов, в общем — будь нормальным человеком, а не... пациентом психлечебницы.

— Убери руки, сука! Убери! — Настя поморщилась, но смотреть в ту сторону не стала. Не ее дело. Пусть разбираются, как хотят. Ей главное — пережить некий период и, в конце концов, получить заветный паспорт. А с паспортом она уж как-нибудь да найдет себе работу. А пока снимет комнату — деньги у нее прикопаны в тайнике.

Ничего, устроится! До следующего июня дотянет, а там уже назад, в прошлое. В свой мир. Найдет здесь Зину, если она еще жива, узнает, как ее состояние, найдет жену Карпова, посмотрит, что с ней стало, — вот функция Насти в этом мире, в общем-то, и завершилась. Фактически она ведь была сопровождающей и телохранительницей Зинаиды, умирающей в последней стадии рака. И ее сына, сына Карпова. А больше в этом мире ее ничего не держит.

Запрос в милицию из психбольницы уже сделали — и он ничего не дал. Не нашли Настю. Так

что выпишут новый паспорт, и пойдет она по миру, «солнцем палимая, чистая, аки горлица».

ФСБ — как сейчас называется КГБ, — само собой, на запрос ментов не ответит. Во-первых, менты и не будут делать никакого запроса в ФСБ — с какой стати? Кто она такая, чтобы ради нее лезли к «соседям» с запросами?

Во-вторых, информация о Насте засекречена, как и о любом штатном сотруднике КГБ, и никто никакой информации ментам не даст. Тем более что Настя проходила по ведомству внешней разведки как самая что ни на есть настоящая разведчица-нелегалка. А это еще более засекреченная информация.

Кстати сказать, где-то ведь есть «настоящая» Настя Соломина, которой сейчас около восьмидесяти лет. Может, даже еще и жива. Интересно было бы с ней встретиться... поговорить — как у той сложилась жизнь. Как оно... без Карпова? Хмм... да, вот было бы интересно встретить своего двойника.

— Отвали, сука! — Хлесткий удар, Настя повернула голову и заметила, как черненькая девчонка валится от могучего удара, нанесенного уголовной бабищей. Та довольно лыбится, а потом с размаху бьет черненькую в бок. Черненькая отлетает, как футбольный мяч, стонет, но подхватывает с земли ком земли и швыряет в бабищу. Попадает в глаз, бабища взрывается, хватается за глазницу, прочищая веки, и, бросившись к сопернице, начинает ее избивать — зверски, пиная, как футболист несчастный мяч, норовя попасть в голову и в живот.

Настя одним легким движением поднимается на ноги, в несколько широких шагов подходит к месту действия и, схватив бабушку за руку, отшвыривает ее прочь от жертвы.

— Отвали! Охренела, что ли?! Крыша едет?! Так таблеточки попей, ненормальная!

И тут же себя ругает — нельзя в психушке говорить пациентке, что она ненормальная. Это одно из самых страшных оскорблений. Тут все — по ошибке, всех засунули сюда «менты поганые», «урод-судья», «врачи-вредители» и «мрази-родня». А они совершенно здоровы и все понимают лучше, чем эти мерзкие придурки!

— Вставай! — Настя протягивает руку девчонке. — Не сильно она тебя? Как нарочно — вокруг ни одного санитаря! То бродят толпами, то ни одного!

— Специально, — сквозь зубы шипит девчонка. — Проучить решили. Один гад все клинья подбивал, мол, найду к тебе после отбоя, а я его на хрен послала. Вот и решил эту мразь Любку подослать. Осторожно!

Предупреждение запоздало, но Настя успела повернуться, и удар ногой пришелся ей не в спину, а в сильное, мускулистое бедро. Но все равно было больно, и Настя едва не упала. Пиналась эта гадина очень даже умело, как мужик, пиналась!

И тут же Насте прилетел кулак, от которого она успела увернуться, поднырнув под чисто боксерский удар.

Выдохнув, Настя перехватила руку Любки левой рукой, правой цапнула ее между ног, легко, будто та ничего не весила, — подняла на вытянутые руки и,

чуть разогнавшись, будто копьеметательница запустила Любку в старинный пруд, вокруг которого, собственно, и гуляли пациенты. Пруд был очень старым, еще дореволюционным, от него пахло тиной, и в нем прыгали мириады рачков-дафний, которыми аквариумисты кормят рыбок. Любка вошла в воду с грохотом и брызгами, как выброшенная из торпедного аппарата катера торпеда, и сразу же скрылась под водой.

Настя поморщилась — не дай бог утонет! Тогда ей просто будет нагоняй и изолятор, а со смертью этой гадины все осложнится. Точно продержат в больнице полгода, а то и больше — чтобы убедиться, что Настя больше не представляет опасности для окружающих. И еще — будут пичкать всевозможными мерзкими препаратами, от которых человек медленно, но верно превращается в овощ.

Но все обошлось — дерьмо не тонет. Любка вынырнула и с шумом, как самый настоящий гиппопотам, выбралась на берег. Настя уже приготовилась снова дать отпор, но Любка пошла в больницу, оставляя за собой мокрую дорожку болотной воды.

— Щас нажалуетса, и тебя засадят в изолятор, — сплюнула кровью девчонка и тут же без перехода сказала: — Меня зовут Лена. А тебя?

— Я Настя, — подумав секунду, ответила Соломина. Нужно было социализироваться, а как это лучше сделать, кроме как чаще общаясь с хроноаборигенами?

— Вон, уже бегут, мрази! — снова сплюнула Лена, глядя на приближающихся к ним двух санитаров, и торопливо добавила: — Увидимся. Подрожимся. И это... спасибо!

* * *

Выйдя из изолятора через неделю, Настя с удивлением узнала, что ее перевели из душной общей палаты, в которой лежали десять человек, в палату Лены, где в комнате на четверых или даже шестерых пациентов «ютилась» только одна, привилегированная пациентка. Там уже стояла вторая кровать — широкая, новая, длинная — как раз под стать Насте, а еще было очень прохладно, ибо работал встроенный в окно кондиционер — роскошь, просто невозможная для палаты психлечебницы. В общей палате даже окна нельзя было открыть, потому в ней всегда стояли удушливая жара и вонь. Вонь от немых тел, вонь мочи — некоторые пациентки мочились под себя, сортирная вонь — унитаз плохо смывал, а еще — некоторые просто не успевали до него добежать...

Настя некогда прошла такую подготовку, что эти запахи и такие трудности для нее были плевым делом, но... лето, жара, пот течет... а тут еще смердит, как в общественном сортире, и деться тебе отсюда некуда. И возмущаться нельзя — тут же запишут в историю болезни, представят агрессивной сумасшедшей, которая всем недовольна и склонна ко всему, чему угодно. Нет уж, лучше потерпеть и не выступать.

У Лены же — чистота, порядок, телевизор, кондиционер, холодильник, и даже окно открывается! Даром что на нем толстенная решетка, которую выдергивать только грузовиком. А еще в «номере» — иначе его никак не назвать — душ и туалет!

— Привет, подруга! — весело встретила ее Лена. — Как ты? Откинулась с кичи? Есть хочешь? Тут мне родаки прислали всякой жратвы, давай налегай!

— Но... это тебе прислали, — попробовала сопротивляться Настя. — Неудобно.

— Неудобно стринги через голову надевать! — отрезала Лена. — Жри давай, знаю, что хочешь. Щас я чаю с лимоном наведу.

— Я в душ схожу, ладно? — сдалась Настя. — В изоляторе — как в парной. Сто потов сошло.

— Давай, давай... а то несет, как от козла! Вернее — козлихи! — недипломатично заметила Лена и захихикала: — Да ладно, чо ты, подруга... не обижайся. Я шучу. Мойся скорее и вылезай, пожрем вместе. Поболтаем. Мне одной так скучно!

Настя с наслаждением вымылась, воспользовавшись душистым мылом и шампунем своей новой «подруги», потом с ее разрешения вытерлась насухо махровым полотенцем и, с отвращением натянув на себя пропотевший пижамный халатик, наконец-то вышла из душа.

— Я щас скажу им, чтобы чистое тебе дали, — хмыкнула Лена, осмотрев Настю с ног до головы. — А то чистая и надела такое уежище! И воняет. Я бы тебе мое барахло дала, не жалко, но размерчик не тот. Ты вон какая... большая! Щас!

Лена достала мобильный телефон (Настя так и не привыкла к такому виду связи, а ведь Карпов о нем рассказывал! Все равно — фантастика!), куда-то позвонила, и через десять минут в дверь (со стуком!) вошла медсестра и положила на кро-

вать Насти стопку, в которой были пижамный халат, полотенце и застиранные пижамные штаны — видимо, вместо трусов.

Настя тут же сбросила грязный халат, натянула на себя штаны, сверху халат и теперь уже на самом деле почувствовала себя чистой и здоровой. И очень голодной. В изоляторе кормили не очень-то сытно. Впрочем — как и в обычной палате. Как и всегда, больничные повара удивительным образом умели превратить вполне приличные продукты в неудобоваримую массу, годную только для свиней. Это было во все времена, но в советское время хотя бы боялись творить такое безобразие. Теперь — «не боятся ничего, даже бога самого». Воруют..

— Садись! — Лена уже разложила на столе всяческие яства, и, что поразило Настю — лежал самый что ни на есть обычный стальной нож. В психушке! Стальной нож! Что за хрень?!

— Ешь, не стесняйся! — сказала Лена и, проследив направление взгляда Насти, хихикнула: — Удивляешься? Да, мне можно многое, чего нельзя другим. Папаня богатый, профинансировал так, что они все на цырлах передо мной бегают. Да ты ешь, ешь! И пей! Вот кофе давай пей. Или ты чай любишь? В общем — что хочешь, то и пей-ешь.

Она замолчала, посмотрела, как Настя взяла кусочек копченой колбасы и положила его на кусок белого хлеба, улыбнулась:

— А я почти хлеба и не ем. Толстею! И в спортзал хожу, тренируюсь... вернее — ходила! А все равно — чуть что мучное съем, и сразу килограмм плюс! Не хочу быть толстухой! Ненавижу толстух!

— А что так? — улыбнулась Настя, с удовольствием пережевывая упругое мясо. — Что тебе толстухи сделали?

— А они как пугало! — тоже улыбнулась Лена. — Вот, мол, смотри, ты тоже такая будешь! А я не хочу быть такой! Я хочу оставаться вечно молодой, вечно стройной! А еще — мне не нравится мой рост. Чего я такая маленькая?! Почему мне не быть такой высокой... как ты, к примеру?! Обожаю высоких людей. И женщин, и мужчин!

— Хмм... — Настя подняла брови. — Сразу и мужчин, и женщин?

— Ну а чего такого? Женщины — нежные, с ними в постели хорошо. Мужчины — сильные, как схватит, как насадит! Ооо! Обожаю!

— Я это... как-то не очень по женскому-то полу. Вернее — никак! — осторожно сообщила Настя и приготовилась к тому, что ее сейчас попрут из палаты. Похоже, что девчонка взяла ее в качестве постельной игрушки. И Настю это ну никак не прельщало. Нет, она могла ради дела притвориться лесбиянкой — ради выполнения задания можно и нужно сделать все возможное, но чтобы здесь? Вот так? Нет уж... обойдется она без такой страсти.

— Да я тебя и не принуждаю, глупенькая! — хихикнула Лена. — Хотя и не отказалась бы покувыркаться с такой красоткой. Просто мне скучно. А ты такая красивая, такая гордая... не такая, как все эти ублюдки! И сильная! Вон как ты Любку швырнула! Любка теперь на меня и не смотрит, боится.

— Ты вообще... как здесь оказалась-то? — осторожно спросила Настя, отпивая из кружки. Кофе

был настоящим, молотым, что она тут же с удовольствием отметила. Хотя была не против и растворимого. Не до жиру, так сказать.

— Как оказалась? — Лена хихикнула. — А подписала одного козла горлышком бутылки! Из-под виски. Толстое такое горлышко, острое! Приставал ко мне, а я не в духе была. Немного подпитая. Я так-то не против, когда пристають, — на то они и мужики, чтобы приставать, но так нагло! Грязными руками хватать за киску! Козел душной! Я раз сказала, два сказала, три сказала... Он уже и колготки порвал, ну я и врезала бутылкой по столу, а потом его исполосовала. Кровищи было! Ооо... это песня! Потом охранники меня хотели повязать. Им тоже досталось. А когда менты приехали, я одного мента порезала, другому яйца отбила. Скандал был! Папенька подсуетился и засунул меня сюда — ну типа я не в себе была, попытка изнасилования, я в расстройстве, помутнение сознания и все такое. Ну, чтобы со статьи соскочить. Только вот... не знаю, как прокатит. Раньше у меня тоже были случаи. Уж больно я не люблю, когда на меня наезжают. У меня и правда тогда крыша едет и всех хочу прикончить.

Она вздохнула, пожала плечами:

— Уж больно в колонию не хочется. И будут там такие вот, как Любка, пытаться надо мной измываться! Я там кого-нибудь порешу и сяду еще глубже. Понимаешь, да?

— Понимаю... — медленно кивнула Настя, изображая, как ей использовать ситуацию в свою пользу. У нее появилась одна мыслишка — как отсюда выйти побыстрее и поинтереснее.

— Ну и вот... — продолжила Лена, — мне тут пару недель отсидеться, сделают заключение, что я была невменяема в момент совершения. Назначат лечение, папенька забашляет доктора, и все закончится нормально.

Она помрачнела, закусила губу:

— Только вот с одним делом может быть проблема. Первый, кого я порезала, — нерусский. Армян из местной диаспоры. Грозятся меня типа отловить и наказать. Папенька, конечно, телков ко мне приставит, но где гарантия, что это поможет? Кстати, похоже, что с Любкой — их работа. Я думала, это местный расстарался, но это не он сам. Вернее, так: местный, но через него они меня хотели достать. Любка собиралась покалечить меня. Если бы не ты... Теперь какой-то другой пакости ждать, от кого — не знаю.

И тут же, без перехода, добавила:

— Поможешь мне?

— Как? — безмятежно спросила Настя.

— Прикроешь, если что? Ты сильная, вон как Любку киданула, и я тебе верю. Будешь моим телком?

— Кем?

— Ну... телком! Телохранителем!

— Тогда уж телкой, — хмыкнула Настя, и Лена захихикала:

— Точно, телкой! Только ты на телку не похожа. Телки... они такие... ну... телки! А ты... опасная! Я видела, как тебя обходят стороной, боятся. А ты при этом ни на кого не нападала, никого не трогала. Кстати, а как ты сюда попала? Расскажешь? Я слышала, что у тебя памяти нет. Это как так?

— Ну... вот так, — пожала плечами Настя. — Очнулась тут. Документов нет, ничего нет. Ничего не помню. Имя тоже не помню — имя уже здесь выбрали. Говорят — пришла в отдел милиции и упала в припадке. Ну и... все. Что-то помню, а что-то не помню.

— Здорово! — восхитились Лена. — Может, ты шпионка?

— Здесь? В этом городе? — усмехнулась Настя. — Чего тут шпионить? Да и негожа я для шпионки, рожей не вышла!

— Не скажи, не скажи... — задумчиво прищурила глаза Лена. — Меня не обманешь! Если тебя как следует приодеть, накрасить... да ты вылитая Бриджит Нильсен, точно!

— Замучили меня этой Нильсен! — фыркнула Настя. — Не знаю я никакой Нильсен!

— Я щас тебе покажу! — всполошилась Лена. — Идем сюда! Идем, идем!

Она подвела Настю к большому ноутбуку, быстро набрала запрос в поисковике, и на экран выплыли десятки фотографий. Настя взгляделась, недоверчиво помотала головой:

— Это она и есть, Нильсен?

Лена с удивлением посмотрела на Настю:

— Неужели и правда никогда ее не видела?

— Не видела, — пожала плечами Настя и улыбнулась. — И о том как-то не переживаю. Зачем мне какая-то актриса?

— Правда, и зачем она тебе... — с непонятной интонацией добавила Лена и тут же спросила: — Тебе сколько лет? Ах да... забыла, ты же не помнишь. На вид тебе лет двадцать... Мне тоже двадцать. Папенька

меня все замуж хочет спровадить, но я отбиваюсь. Подсовывает каких-то ушлепков, зато из хороших семей! Нефтяники! Газовики! Ну, так что, будешь моей... хмм... телохранительницей? Будем с тобой по клубам ходить, ты меня защищать станешь.

— Ты будешь бутылкой резать, а я получать в башку? — усмехнулась Настя.

— Ну, типа — да! — хохотнула Лена и тут же посерьезнела: — Поверь, это был особый случай. Обычно я до такого не довожу. Но тут... Ладно, сколько ты тут, в больничке, проторчишь?

— А я знаю?! — искренне удивилась Настя. — Мне нужно паспорт получить. Больница должна мне справку выдать, что я не опасна окружающим, и справку о том, что у меня нет документов и все такое. На основании этого мне выдадут паспорт, ну и я... свободна жить под мостом. Бомжевать.

— Под мостом? — удивилась Лена и тут же фыркнула: — Ах да... забыла. Да не будешь ты жить под мостом. У меня будешь жить. Охранять меня станешь! Зарплату тебе сделаем, оденем, обуем. А на счет паспорта — я щас папеньке напишу, расскажу все, как есть — он пальцами щелкнет, так менты сами тебе паспорт принесут. Выйдешь вместе со мной. Кстати, размер у тебя какой? Не знаешь? Замеряем! Щас попрошу, чтобы рулетку принесли, вычислим твои размеры. Оденем как следует. Ну как, согласна меня защищать?

— А папенька согласится? — Настя посмотрела в глаза Лены, а та ей весело подмигнула:

— Да куда он денется? Одна я у него. Мама умерла... а я копия мамина. Папа ее очень любил. Рак пе-

чени. Ничего не спасло. Папенька заново женился, на телке чуть старше меня, и теперь у него комплекс вины — типа предал маму. Мужики такие... смешные! Мамы нет, так что же ему, засыхать? Ему лет-то еще всего ничего. Крепкий мужик, в силе. Но я ему об этом не говорю — пусть себе думает, что виноват. Больше мне любви достанется! Ха-ха...

— Мать любила?

— Любила... — Лена помрачнела. — Как можно не любить мать? Я и сейчас люблю. Одна она меня понимала. Такая же, как я, была... шустрая, чуть что — в драку! Они с папенькой на Севере познакомились, когда он еще молодым инженером-нефтяником был. Потом сюда переехали. И вот... Ладно, не будем о грустном. Сейчас я письмо буду папеньке писать. Кстати — и зафоткаем тебя. Пусть попробует найти, кто ты такая. Уж у папеньки-то возможностей больше, чем у каких-то там ментов (у Насти в груди вдруг почему-то похолодело). Ну и закажем тебе барахла — не все же в этом тряпье ходить! Только щас вот замеряем... позвонить надо вначале этим чертовым халдеям.

—хлопот полный рот... — проворчала Настя, пожимая плечами, а Лена хихикнула:

— Хех! Насть, да тут все равно нечего делать! Так хоть какое-то развлечение. И время быстрее идет. Так что не парься, все будет нормалек! Кстати — телефон тебе надо купить. Чтобы всегда была на связи. Какой-нибудь «Самсунг» штук за пятьдесят. И скромно, и со вкусом.

Настя снова подумала про себя, что никак не может привыкнуть к здешним цифрам. Пятьдесят ты-

сяч! Черт подери, да за пятьдесят тысяч в 1972 году можно... можно черт знает что купить! Десять «Жигулей»! Если позволят, конечно. Одну машину-то хрен купишь... только в «Березке», как Карпов.

Хмм... а правда — что можно купить за пятьдесят тысяч? Дом можно. Хороший дом со всеми удобствами. Машину на базаре — за двойную цену. «Волгу», например. За двадцать тысяч. Кооперативную квартиру построить — если профком позволит. Одеться на базаре — в шмотки, которые здесь считаются рабочей одеждой. Мда... за джинсы, что здесь стоят тысячу рублей, на толкучке семидесятих отдала бы 250, а то и триста. А Карпов говорил, что как-то подсчитывал — согласно покупательной способности деньги 70-х к нынешним рублям — 1 к 230. То есть, если разделить тысячу рублей на 230, получится... чуть больше четырех рублей?! Вот черт...

— Ты меня слушаешь? — ворвался в мозг голос Лены. — Уснула, что ли? Ты с ноутбуком умеешь управляться?

Настя медленно помотала головой и подошла к столику, где лежал ноутбук. Ей еще многому надо научиться, чтобы не выглядеть белой вороной...

* * *

— Айда за мной! — Лена рванула дверь здорового джипа и прыгнула на заднее сиденье. — Она со мной!

Здоровенный быковатый парень в костюме у передней дверцы с сомнением посмотрел на На-

стю, пожал плечами и уселся рядом с водителем. Он ничего не сказал, но было видно, что ему все причуды этой молодой оторвы надоели так же, как июльская жара, по которой ходить затянутым в галстук было просто мучением. Но что поделаешь? Считай — пиджак, белая рубашка, галстук — это форма, в которой должен ходить уважающий себя телохранитель. На взгляд Насти — выглядело это просто глупо. В пиджаке труднее работать, он сковывает движения. Можно было бы найти одежду и посвободнее, и не менее приличную, чем костюм. Для лета, к примеру. Но статус! Чего уж там...

Огромный автомобиль, который, как Настя уже знала, здесь называется «джипом», выскочил из ворот, едва не задев крышей поднимающийся шлагбаум, и попылил по трещиноватому асфальту вниз по дороге, скатываясь с Алтынки, так тут в просторечии называли Алтынную гору, а также психиатрическую больницу, которая на ней находилась. Сказать «попасть на Алтынку» здесь означало примерно то же самое, как попасть на «Канатчикову дачу», то есть — повязали волки позорные и отправили в психушку.

Забавно: Карпов, когда попал в мир Насти, в 1970 год, тоже оказался на Алтынке, в психушке. А где еще может оказаться голый человек, который бродит по шоссе и не помнит своего имени? Скорее всего и Настя оказалась бы в психушке сразу после того, как появилась в этом мире, если бы не «счастливая» случайность — ее подобрали и попытались «обогреть» несколько отморожков. Поплатившихся за то своей жизнью и оставивших ей

в наследство кругленькую сумму денег. И это было очень любезно с их стороны — вдруг на жизненном пути Насте не оказалось бы Лены, решившей, что Настя ей совершенно необходима и жить без нее она не может? Как бы она тогда жила, не имея ни гроша в кармане? Пришлось бы совершать преступления, грабить прохожих — а это Насте совершенно не по душе.

Теперь же у нее в сумочке лежит новенький паспорт (без прописки, ну и что?), и ее везут туда, где она некоторое время будет жить — в дом отца Лены. Правда, тут еще вилами на воде писано — папаша Лены с документами и выпиской, конечно, помог и денег дал на то, чтобы одеть ее «телохранительницу» как следует, но вот насчет работы он выразился как-то... прохладно. Мол, об этом еще поговорим. Игрушку для дочери он содержать готов, но полагаться на нее как на настоящего телохранителя явно не собирался. И Настя его прекрасно понимала.

Ехать пришлось около часа — в город не въезжали, джип сразу же повернул направо, по длинному подъему выскочил за город и помчался по объездной дороге, чтобы не влипнуть в пробки (так сказала Лена, которая весело болтала, глядя то в окно, то на Настю). Джип ровно урчал, вспарывая пространство, в салоне было прохладно и пахло кожей, а еще чем-то таким неуловимым, что при-суще только хорошим, дорогим вещам.

«Запах богатства!» — подумала Настя и усмехнулась. Рядом с Карповым она, можно сказать, привыкла жить богато. Но... Карпов никогда этим са-

мым богатством не кичился и вообще относился к деньгам легко, считая их больше инструментом воздействия на жизнь и на людей, чем каким-то фетишем, ради которого надо рисковать жизнью и даже убивать.

Не сказать, чтобы дом здешнего олигарха отличался таким уж эпическим обликом — дом, как дом. Зимняя оранжерея, сад, за которым ухаживал нерусский садовник (то ли узбек, то ли таджик). Когда машина въехала во двор, он как раз что-то то ли сажал, то ли пересаживал в клумбе возле забора, а рядом на траве из шланга текла вода.

Чуть поодаль бассейн, тоже не особо великого размера, тренировать в нем команду олимпийского резерва было бы проблематично — максимум метров десять длиной или чуть побольше. Зато извилистый, буквой «S». На площадке возле бассейна — шезлонги, столик. Все, как положено.

Пахло мокрой травой, землей, цветами и... Насте показалось, что еще пахнет рекой — тиной и свежестью речного простора. Волга-то всего метрах в пятидесяти от забора, и до нее сделан ровный пологий спуск. Видимо, для того, чтобы спускать и вытаскивать здоровенный белый катер, который стоял возле ворот, открывающихся к реке, и был накрыт водонепроницаемым чехлом. Солидный катер. Настя не могла представить его стоимость в нынешних деньгах, но, прикинув, решила, что стоит он не меньше ста тысяч долларов. Неплохо живет эта простая российская семья. Не бедствует, это точно.

Дома прохладно, как и в машине. Не было такой душающей июльской жары, как снаружи. Впро-

чем — после больничной атмосферы Насте ужасно хотелось побыть на солнце, прожариться как следует, а потом и нырнуть в этот самый бассейн, разбрызгивая капли прозрачной голубоватой воды. Так захотелось, что даже мурашки по коже!

Хозяин поместья был дома. Когда Лена с Настей вошли в гостиную, он сидел на диване и смотрел новости на невероятно огромном и почему-то вогнутом экране телевизора с четким, сочным и ярким изображением. Настя на пару секунд даже загляделась — настолько телевизор был особенным. В ее времени о таких и близко не мечтали. Максимум — черно-белый с относительно небольшим экраном. Да и качество передач оставляло желать лучшего. А тут... картинка как с экрана ноутбука, с которым Настя уже научилась довольно-таки сносно управляться (спасибо Лене).

Мужчина лет около пятидесяти, немного отяжелевший, крепкий, он припадал на левую ногу, и Лена рассказывала, что ее отец на Севере обморозил ногу на работе, потому и хромает. Из-за чего, кстати, Настя его даже зауважала — не кабинетный сиделец, а настоящий практик. «Севера» прошел! Судя по словам Лены, отец вырвался наверх из-за своего ясного ума и невероятной работоспособности. Чему Настя, честно сказать, слегка посмеялась, не выдавая своего веселья Лене. Умных и трудолюбивых в мире пруд пруди, но многие ли из них достигли уровня олигарха? Значит, или его кто-то поднимал, пропихивал, или же это результат удачи, как выигрыш в лотерею. Повезло человеку, да и все тут. Бывает. Редко, но бывает. Выигрывают же

в лотерею сотни миллионов долларов? Шанс мизерный, но он есть.

Лена бросилась ему на грудь с криком: «Папка!» — чем, кстати, немного удивила Настю. Почему-то она представляла отношения отца и дочери такими же, как показывали в сериалах, некоторое количество которых Насте удалось посмотреть на ноутбуке Лены. Благо, что мобильный интернет у нее был очень быстрым. Во всех сериалах дети обычно относились к своим родителям-богачам совершенно паскудно, вытягивая из них деньги, откровенно презирая и дожидаясь, когда те помрут и оставят наследство. Тут же дочь и отец искренне друг друга любили.

— Папа, это Настя! — представила девушку Лена. — Мой телохранитель! Я тебе о ней говорила. Теперь она всегда будет ходить со мной, защищать меня. Настя очень, очень сильная!

Мужчина оглядел Настю долгим, очень долгим взглядом, вздохнул и вежливо сказал:

— Дочка, я не думаю, что это хорошая идея. Да, девушка спортивная, но это не означает, что она может быть телохранителем. Как подруга — пожалуйста, я не возражаю, но, ко всему прочему, я прикреплю к тебе парочку моих ребят. Витю, например. И Павла. Вот пусть они вас и охраняют! Нет-нет, я не возражаю против того, чтобы Настя была с тобой! Как ты хочешь, так и будет! Но без телохранителей из дома ни на шаг. История не закончилась, бравые джигиты горят желанием устроить реванш — тебе же не хочется, чтобы какой-нибудь придурак порезал тебя ножом?

— Извините, — вмешалась Настя. — Что касается придурка с ножом, этого можете не опасаться. Пока я рядом с Леной, он к ней не подойдет.

— Меня звать Николай Савельевич, — медленно, с расстановкой, сказала мужчина. — Я отец этой взбалмошной девочки. И я ее очень люблю. И я все для нее сделаю. И если я не уверен, что она находится в безопасности — никому не доверю ее защиту. Ты в самом деле думаешь, что можешь ее защитить против сильного, умелого мужчины с ножом в руке? Или это пустое бахвальство? Я не люблю, когда понтуются, даже если это красивые девочки. Понятно?

— Я не понтуюсь, — пожала плечами Настя. — Я могу уложить двоих ваших телохранителей, даже если у них обоих в руке ножи.

— Ладно. Пойдем за мной. Витя, захвати сюда Пашу, приходите в спортзал! — приказал хозяин дома и, прихрамывая, пошел вперед. Губы его были сердито сжаты, брови нахмурены.

— Правда можешь? — шепнула Лена, едва поспевая за Настей. — Витька — здоровый лось! Он курсы закончил телохранителей и в десанте служил! И Пашка такой же! Они оба придурки, но чего-чего, а драться умеют!

— Не беспокойся, — усмехнулась Настя. — Я тоже не ангел.

Лена посмотрела на свою подругу-телохранительницу и замолчала. Видимо, успокоилась. За время, что они жили вместе, девушки сдружились. Лена оказалась вполне интересной в общении и, как ни странно — без всяких там мажорских замашек. Умненькая, доброжелательная,

хотя и очень резкая в суждениях, она обладала великолепным чувством юмора, в совершенстве знала английский язык, разбиралась в литературе и музыке. К своему стыду, Настя вначале посчитала ее обычной пустышкой, папенькиной дочкой, но нет — девчонка на удивление хорошо образованна и школу закончила если не с золотой медалью, то и без единой тройки. Только поведение снизили — она подстерегла физкультурника и вылила ему на голову ведро грязной воды — за то, что он любил подсаживать девочек на брусья и канаты, сладострастно щупая их за крепкие молодые ягоды. И ее потрогал. Был скандал, закончившийся ничем — физкультурника даже уволили, когда выяснилась правда. Но оценку за поведение все равно снизили — надо было пожаловаться, а не заниматься самосудом.

«Хорошо быть олигархом!» — подумалось Насте, когда она увидела спортзал, едва уступающий размерами спортзалу в университете либо в большой школе. Здесь можно было играть в волейбол, баскетбол, а еще — в конце зала стояли с десятков тренажеров и выстроились ряды гантелей различного веса, вплоть до пятидесятикилограммовых — это Настя заметила опытным глазом. Волейбольная сетка сейчас была снята, так что ничего не мешало размяться в спарринге минимум двум десяткам единоборцев. А уж трое бойцов здесь поместятся вообще без проблем.

Следом за троицей в зал влетели, едва не запыхавшись, двое крупных плечистых парней — один был тот самый, что сопровождал Настю и Лену из

психбольницы, второго Настя не видела, видимо, он находился на территории поместья. Настя сразу его оценила — видимо, бывший борец. Уши сломаны, нос приплюснут и чуть набок. Здоровый парень, просто-таки бугай!

— Парни! Эта вот девушка сказала, что уложит вас обоих сразу, — без предисловий начал хозяин дома. — И что она лучший телохранитель, чем вы оба, вместе взятые. Попрошу вас развеять мои сомнения и сделать так, чтобы я убедился в вашей компетентности, как охранников. Готовы?

— Мы готовы, — пожал плечами тот, кого, вероятно, звали Витей, сопровождающий из больницы. — Только вот покалечу, и что тогда? Или убью ненароком, и мне что, срок тянуть? Как-то не очень перспектива. И вообще — драться с девкой совсем уж стремно. Побьешь ее — девушку обидел, а она побьет — все угорать будут, мол, девка тебя побила! Может, ну ее, обойдется без проверки? И так все понятно... дурочка, одним словом...

Закончить он не успел. Настя сделала два быстрых шага и ударила его в печень — резко, хлестко, так, что он закорючился и свалился на пол. Паша, надо отдать ему должное, мгновенно оценил ситуацию и, выбросив ногу, попытался изобразить что-то вроде маваша. За что был очень быстро и жестоко наказан — Настя подбила ногу и кулаком врезала ему по гениталиям. Не очень сильно, но достаточно, чтобы выключить любого мужика. Паша как-то странно хрюкнул и с грохотом опрокинулся на спину, схватившись за пах

и задыхаясь, как если бы бежал десяток километров быстрым бегом.

Настя с сомнением помотала головой, подошла, усадила его и, нажимая на плечи со стороны спины, скомандовала:

— Дыши глубже, сейчас легче станет!

Пока реанимировала Пашу, очнулся Витя и не нашел ничего лучшего, как подойти и попытаться вырубить Настю ударом в основание черепа, и это было его фатальной ошибкой. Даже если бы Лена не крикнула, предупреждая о коварстве соперника, Настя все равно бы заметила опасность.

Отреагировала адекватно — перехватив руку нападавшего, она метнула его тушу через себя с такой силой, что, приземлившись, Витя прокатился по полу еще метра два, прежде чем остановился и замер в беспомощности.

— Еще что-то показать? — спокойно спросила Настя у олигарха, замершего в немом удивлении.

— Стрелять умеешь? — только и спросил тот, усмехаясь уголком рта.

— Умею. Показать? — Настя выдернула из кобуры в подмышке Паши вороненый пистолет неизвестной ей марки, выщелкнула магазин, нажав на кнопку, вставила обратно, передернула затвор, сняв с предохранителя, замерла с пистолетом в руке.

— Не надо. Ты нанята! — махнул рукой олигарх. — О жалованье потом поговорим. И умение стрелять тоже проверим — в тире. А пока что пойдемте в гостиную... только прежде реанимируй

этого бездельника. Ты ему ничего там не сломала? Мда... тоже мне, телохранители! Девка побила! Уволить их к чертовой матери, что ли... найму девок из психушки. И красиво, и толк будет! Хе-хе...

Глава 2

— Вообще непонятно — на чем она держится. Истощение, метастазы... но она жива!

— Вот снимок, Петр Васильевич. Метастазов стало меньше. Рак уходит.

— Что-о?! Ну-ка, ну-ка! Оп-па! Вот это да! Вот это номер! Точно, стало меньше. Но это ничего еще не значит! Вполне может быть временная рецессия, а потом...

— И опухоль уменьшилась. В два раза. И самое интересное — похоже на то, что печень восстанавливается и просто-таки фантастически быстро. И без каких-либо препаратов.

— Мда... феномен, однако! Хотя... в истории медицины немало случаев, когда рак вдруг отступал. Никто не знает, почему это происходит, но... Впрочем, кому это я говорю? Извините, коллега. Забылся. Вы и сами все прекрасно знаете. В общем, это феномен и заслуживает тщательного и всестороннего изучения!

— Я хочу есть...

— Что-о?! Что?!

Оба врача повернулись к больной, накрытой простыней до самого горла, и посмотрели в ее широко открытые, с желтыми белками глаза.

— Вы очнулись?!

— Я... очнулась, — с трудом проговорила женщина, больше похожая на узницу Бухенвальда, чем на обычную больную. — И я хочу есть. Мне нужно срочно восстановить массу тела.

— Массу тела? — слегка запнувшись, повторил мужчина в белом халате, на лице которого красовались дорогие очки в золотой оправе и борода клинышком. Он явно косил под киношного профессора. Впрочем, он таковым и являлся — профессор кафедры онкологии и доктор наук. Лечащий врач пригласил его и для консультации, и для того, чтобы показать данный феномен. Лечащий врач был молод, но достаточно опытен, так что дело было не в консультации. Ужасно хотелось поделиться информацией о феномене с кем-нибудь из знающих людей. Так с кем, если не с бывшим наставником?

— Сейчас что-нибудь придумаем! — встрепенулся лечащий врач и посмотрел на старшую медсестру, которая безмолвно присутствовала при встрече. Она, согласно веяниям времени, была одета в нечто подобное скафандру, на голове — прозрачная защитная маска. Пандемия, черт ее подери!

— Марь Серьгевна, сможем что-то придумать? Бульон? Ей нужен бульон, она не ела с неделю, не меньше. И слишком истощена. Как бы проблем не было.

— Можно пока что развести бульонные кубики, и хлеба туда. А потом будет обед, тогда и покормим.

— На кубики денег дать?

— У нее были деньги, я их оприходовала. Хватит!

— Где мой сын? — спросила больная, медленно, с натугой поворачивая голову — Где он?

— В доме ребенка, — после паузы ответил врач. — Не беспокойтесь, с ним все в порядке. Там все очень хорошо. Как только... хмм... выздоровеете (профессор посмотрел лечащему врачу в глаза и поднял брови), так вам его сразу и доставят. Сейчас это невозможно — вы находитесь в онкологическом отделении, здесь условия не предполагают нахождения маленьких детей. Повторюсь — с ним все будет в порядке! Вы в силах сейчас отвечать на вопросы?

Больная медленно кивнула, и врачу показалось, что глаза ее чуть прищурились, будто она волнуется и готовится к чему-то неприятному.

— Кто вы? Как ваше имя? Как вы оказались в УВД с ребенком на руках? Это ваш ребенок? Откуда вы шли?

— Я Зинаида Михайловна Макеева. — Больная говорила тихо, но вполне отчетливо и ясно. — Миша мой сын. Я врач-психиатр. Больше ничего не помню. Как оказалась в УВД — не помню. Как попала в больницу — тоже не помню. И вообще ничего из прежней жизни не помню. Вся моя жизнь началась здесь — когда я открыла глаза. Прошу вас, при первой же возможности — верните мне сына!

— Вы должны понимать... Зинаида Михайловна, что пока вы в таком состоянии, о том, чтобы привезти сына, не может быть и речи! Его ведь кормить надо. А чем вы будете кормить? Нет уж, вот как встанете на ноги, так и поднимем вопрос о том, чтобы вернуть вам сына. А пока что...

— А что — пока? — вдруг твердо спросила больная. — В каком я состоянии? Что с моим... раком?

— Ваш рак на месте, никуда не делся, — хмыкнул лечащий врач, переглянувшись с профессором, который с живым интересом наблюдал за происходящим. — Но у вас явные улучшения. Вас доставили в гораздо худшем состоянии, чем то, в каком вы находитесь сейчас. Одно то, что вы очнулись, разговариваете, да еще и просите еды — что-то да значит. Честно скажу — мы не думали, что вы заговорите. Вас даже специально поместили в отдельную палату...

— Чтобы моя смерть не расстроила других пациентов? — усмехнулась больная.

— Ну... да! — сознался врач. — Но вы всех, так сказать, обманули. Метастазы исчезают, опухоль рассасывается. Мы вчера делали рентген, результаты просто потрясающие. Если так дело пойдет...

— Не будем загадывать, коллега! — перебил профессор. — Я суеверен! Давайте подождем и посмотрим, во что это все выльется. Мои рекомендации — усиленное питание, вначале побольше жидкого. Много питья. Ну и в принципе... все! Лежать, есть, пить и выздоравливать! Слышали, моя дорогая? Выздоровливайте! Это будет сенсацией — человек в такой стадии болезни фактически возвращается с того света!

— Из другого мира... — вдруг пробормотала под нос Зинаида. — И все-таки он был прав. Как и всегда, прав.

— Кто прав? — спохватился лечащий врач, но было уже поздно. Больная мирно посапывала, при-

крыв глаза и сделав вид (или на самом деле уснула?), что ничего не слышала. Профессор легонько махнул рукой — пойдете! И оба врача вышли. Уже в коридоре профессор похлопал коллегу-ученика по плечу и предложил:

— Наблюдайте, очень интересный случай! Можно развить в неплохую диссертацию. Если что — я вас поддержу. Такой случай упускать нельзя.

* * *

— Да, это не «Кадиллак»! — задумчиво сказала Ольга, подставляя лицо горячему воздуху, который влетал в салон из открытого окна.

— В высшей степени логичное замечание! — ухмыльнулся я. — Это не «Кадиллак»! А как догадалась? Когда до тебя стало доходить?

— Тьфу на тебя! — беззлобно фыркнула Ольга. — Где ночевать будем?

— А чего ночевать? — пожал я плечами. — Откинь спинку, да и спи. А я буду гнать, пока силы есть.

— Да ты так и до Америки догонишь, знаю я твои силы! Надо было в Киеве остановиться — походили бы, посмотрели...

— Да ну его... Киев этот! — буркнул я, досадливо скривившись. — Глупо, наверное, но у меня к нему идиосинкразия. После тех событий, что у нас произошли... ну... в моем мире, я даже слово «Киев» не переносу. Для меня оно стало источником дурных воспоминаний и ожидания какой-то пакости. Ну, только представь, что люди в Киеве вдруг спятили и стали ненавидеть русских. Как тебе такое? Что

мотаешь головой? Не веришь? А вот так! Недобитки бандеровские там правят бал. Вернее, их дети и внуки. Сталин виноват!

— В чем? — подняла брови Ольга.

— А в том, что был слишком мягок. Вешать надо было тварей. Они ведь как — когда наши пришли, прогнав фашистов и переловили этих бравых полицаев, — большинство из них заявили, что в полицейские их загнали насильно, и они ничего не делали, кроме как ходили с белыми повязками. Глупо, правда? Но наше «жестокое и бессердечное» НКВД поверило этим мерзавцам и, вместо того чтобы их повесить, дало разные сроки лагерей. Полицаи отсидели и вышли, затаив злобу и ненависть к советской власти. Ну и к русским — это уж само собой. Как к символу советской власти. А потом воспитали детей и внуков в духе ненависти и злобы к СССР и русским. И кто виноват? Власть, конечно, и лично Сталин — недосмотрел! Душить надо было! Вешать гадов!

— Ну... ты слишком жесток. — Ольга помотала головой. — А если и правда насильно загнали? Если и правда никого не трогали? Что же им, башку прострелить?

— Решила выступить адвокатом дьявола? Ладно, давай. Почему тысячи и тысячи других людей не загнали в полицаи? Почему они не надели белую повязку? А ЭТИ — надели? Неужели думаешь их насильно, под расстрелом заставляли служить? Ходили, ели, пили, народ обирали, девок насиловали — так ответь за это! Нет, наши были слишком мягки. Результат: пронизанная бандеровщиной, как сыр

червями, Украина. Гнойник в подбрюшье России. Правят там самые что ни на есть нацики, русофобы, и они на самом деле марионетки, которых за ниточки дергают американские друзья. Фактически Украина превратилась в американскую колонию. И нужна она америкосам только для того, чтобы использовать в виде тарана против России. Или даже не тарана... а так, грязного ржавого гвоздя, которым царапают спину России в надежде, что у нее начнется заражение крови. Мерзко, противно и очень грустно. Один народ-то, все русские. Только часть их вдруг спятила и отказывается признавать родство.

— Как это страшно! — Ольга снова помотала головой. — Я и представить такое не могу. Ведь было же советское воспитание, как могли эти люди так спятить?!

— Легко, — угрюмо ответил я, всматриваясь в дорогу. — Промывка мозгов через средства массовой информации, в том числе и в основном — через телевизор. У нас его зовут «зомбоящиком». Рассказали, что мы не родня и вообще — древние укры изобрели колесо и выкопали Черное море. А все остальные народы мира пользуются изобретениями этих самых укров. Целые группы ученых работают над оболваниванием своего народа, рассказывая о протоукрах и о том, как все народы мира пошли от этих великих людей. А народ... ну что народ? Стадо! Найдутся дельные, умные пастыри, которых как следует подогреют баблом, — вот и повели они стадо. И научили бляеть то, что нужно пастырю. Кстати сказать, Западная Украина всегда была недоброжелательно настроена к России. Честно сказать, там

и украинцев-то никогда не было. Поляки, евреи, венгры — кого только там нет! Разговаривают на суржике, их настоящий украинец и понимает-то с трудом. А главный их город — Львов, который ранее был польским городом Лембергом и никогда не принадлежал Украине. Все им дала советская власть, которую они теперь поносят почем зря — как и положено бандерлогам, не испытывающим благодарности. Ибо совести у обезьян нет.

— Теперь так не будет, успокойся. Ты все сделал, чтобы такое не случилось в этом мире.

— Надеюсь, что все... — Я поддал газу и обошел «ЗИЛ-130», в самосвальном кузове которого была навалена груда земли, и он тащился еле-еле.

— Вот потому я не люблю Киев и не хочу туда ехать! — заключил я и замолчал, больше не желая продолжать наболевшую тему.

— А что с Одессой? С ней что стало?

— То же самое. Туда наехали западники-рогули и устроили настоящий геноцид. Даже вспоминать противно. Тогда мы с женой решили, что пока бандеровцы существуют на Украине, а конкретно в Одессе, мы туда ни ногой. Ибо противно. А вот теперь... в общем — всегда мечтал посмотреть Одессу. Надеюсь, она меня не разочарует.

— А не надо допускать слишком большие ожидания, тогда и не разочарует. Воспринимай все, как... просто как поездку. Едем хорошо, смотрим по сторонам, свободны, деньги есть, время есть... ну чем это плохо?

Мы замолчали. Двигатель «копейки» ровно гудел, в салоне пахло свежей краской, температура

тосола в пределах нормы — чего еще нужно путешественнику, чтобы весело и с комфортом достичь своей цели? Кондиционера, конечно, не хватает, зато... хмм... а чего «зато»? Зато рядом любимая женщина. Захочу — съеду с дороги в кустики и...

— Тошнит, — вдруг сказала Ольга. — Останови!

Мда... с кустиками это я погорячился. У любимой женщины наметился небольшой, но вполне уже видимый животик. Моими стараниями, между прочим. Раньше я как-то и не задумывался о том — предохраняются мои женщины или нет. Понимаю — мужской эгоизм, мол, это их проблемы, а я тут ни при чем! «При чем», получается... Вот и результат.

Впрочем — хороший результат. А почему бы и нет? Ольга моя законная жена, а в браке, как выяснили британские ученые, бывают и дети. Так что нечего тут суетиться — уже подсуетился. Но вообще... может, зря поехали на машине? Сели бы в самолет, как все нормальные люди, полтора часа — или сколько там — и мы уже в Одессе. Да и вообще — может, не надо было ехать в Одессу? Чего это мне приспичило? Вдруг — захотел, и все тут! Как прощание с Родиной. Впереди — большая работа, хотелось напоследок расслабиться, походить по улицам русского города Одесса. Еще — русского. Увидеть ее такой, какой она была до того, как ее захлестнула бандеровская пена. Увидеть *правильную* Одессу.

Ольга, конечно, сразу со мной согласилась — она всегда со мной соглашается, как положено правильной жене. Ну.. в серьезных делах. По мелочи можем и поспорить. Вот мне, к примеру, ужасно не нравятся гречка и жареный лук, а она их обожает.

Я считаю, что лук, положенный в сковороду с картошкой, превращает блюдо в кучу дерьма. Она считает, что лук придает картошке изысканный вкус. Может ли это служить препятствием к нормальным семейным отношениям? Да боже упаси! Если оба партнера адекватны и любят друг друга. Ну а если не любят — так найдут тысячу поводов, чтобы выпить друг у друга кровь.

— Прошло? — спросил я, глядя, как Ольга вытирает губы платочком.

— Прошло, — грустно сказала она и тяжело вздохнула. — Почему-то я думала, что сия чаша меня минует. Я ведь сильная, спортивная... кстати, когда была беременна в первый раз — такого не было. А сейчас... чертовщина какая-то.

— Стареешь... — с сочувствием сказал я, и Ольга тут же хлопнула меня по плечу:

— Вот тебе! Мерзавец! И язык повернулся сказать!

И мы оба расхохотались. Дело в том, что выглядели мы с ней так, что обвинить нас в старении мог бы только слепой на оба глаза человек, не имея возможности нас ощупать. Я выглядел лет на двадцать с небольшим, Ольге можно было дать максимум семнадцать-двадцать лет, не более того. После того, как я устроил ей прямое переливание крови, спасая от неминуемой смерти, Ольга так помолодела, что я стал бояться — как бы не дошла до детского возраста. Но Гомеостаз все-таки взялся за ум и остановил ее организм на уровне выпускницы средней школы. Ну а я, видимо, дошел до пика своей формы и стал похож на какого-то студента

спортивного вуза. Лицо — от двадцатилетнего парня, тело — олимпийского чемпиона. Широкие плечи (они всегда у меня были широкими, справедливости ради), тонкая талия (вот с этим на склоне лет возникла проблема — все-таки мне уже 50), и все, что приличествует настоящему спортсмену — бицепсы, трицепсы и все такое прочее. Ольга смеется: по мне можно изучать анатомию, видна каждая мышца на теле. Жира — ну вот самый что ни на есть минимум. Так что я сейчас не человек, а модель для скульптуры!

Только вот нет роз без шипов. Жира нет не потому, что я такой весь из себя диетический и ЗОЖ — ем и пью столько, сколько хочу (на зависть Ольге), только не толстею и сухой, как вобла. Дело в том, что мой обмен веществ ускорен минимум в два раза. А то и в три. В результате я быстрее и сильнее обычного человека в те самые два-три раза. А может, и больше — с учетом того, что я и раньше не был слаб, а кроме того, все эти годы интенсивно занимался спортом. И вот это все наложилось друг на друга, и получился такой вот странный тип, выглядящий, как обычный молодой парень со своей беременной «телочкой». Папенька купил нам машину, и мы путешествуем на «юга». Примерно так нас воспринимают окружающие. И очень ошибаются. Очень.

Меня, Михаила Карпова, никто и ни за что не узнает, хотя я нарисовался на экранах ТВ не хуже актеров и дикторов новостей. Бороду я теперь брею начисто, одеваюсь в джинсы и майку, а в документах у меня значится «Мишутин Максим Вита-

льевич», а у Ольги «Катерина Семеновна Инютина». Это и в паспортах, и в водительских удостоверениях. Настоящие документы, паспорта и удостоверения личности офицеров КГБ и офицеров МВД (ментовские «корочки» — такие же документы прикрытия, как и вторые паспорта), мы спрятали в машине, хорошенько их завернув в непромокаемую ткань — под запаску, рядом с инструментами. Зачем? А просто так! Решили проехаться по стране обычными гражданами, без поддержки любимых органов и представителей власти. Вот прокатиться свободными птицами, да и все тут! Единственное, что попросил сделать — поставить в ЗАГСе штамп о том, что Катя Инютина суть моя законная жена, а не просто беременная «телочка» в тачке мажора. А то ведь в гостиницу не поселят! В СССР правила строгие, даже за деньги не пойдут на такое преступление: как это так — неженатую парочку и в один номер! Ужас! Вдруг они там чем-то непотребным будут заниматься?! Пиво пить, например...

Впрочем, нет, пришлось еще попросить выписать новый техпаспорт на автомобиль — на имя Мишутина. Серенькую такую книжицу. ПТС пока еще не выдают.

Когда вечером устраивались в придорожную гостиницу уже почти на границе Украины (господи, ну какая сейчас граница?! Скажи нынешним людям — засмеют!), администраторша смотрела на нас так, будто мы какие-то преступники, проверила паспорта чуть ли не на свет. Каждую строчку, каждую закорючку, а потом спросила недоверчивым тоном у «Кати»:

— Вам в самом деле двадцать семь лет?!

На что Катя-Оля смиренно ответила, что ей на самом деле двадцать семь и что в ее семье все выглядели моложе своих лет.

Кстати сказать — мы постарались чуть «составить» Ольгину внешность, чтобы не выглядела совсем уж вчерашней школьницей — чуть подрисовали, чуть навели теней, но она все равно выглядела безобразно молодой! Не хватало еще, чтобы меня обвинили в «набоковщине». Умыкнул нимфетку и катаюсь с ней по миру!

— А почему фамилию не сменили?! — продолжался допрос.

— Потому что не захотела! — безмятежно улыбаясь, ответила Ольга, тихонько толкая меня носком кроссовки. Я уже закипал, и она это сразу почуяла. Ни к чему нам скандалы, а вот постель с чистой простыней очень даже к месту. Вот ведь чертова баба, какое ее дело, кто мы и что мы?!

Впрочем, это тоже признак советского спокойного времени. Тут не забалуешь, не станешь кататься с малолетками по грязным гостиницам. Здесь — все четко, все по закону. Тут же настучит в ментовку, и вся эта лолитщина прекратится, еще и не начавшись.

— Еще вопросы? — Ольга подождала, но дама не захотела дальше продолжать свое расследование. Зыркнула на нее зло и оценивающе, буркнула:

— Анкеты заполняйте!

Заполнили. А затем потащились в номер, прихватив с собой сумку с самым необходимым. Остальное барахло оставили в машине, которую загнали во двор кемпинга.

Кстати, вполне приличный кемпинг, я почему-то думал, что такие появились только после развала СССР. Ясное дело — я в семидесятые не мотался по городам и весям Советского Союза, откуда мне знать, какими были дороги и как на них обстояло дело с дорожным комфортом? Так вот, выяснилось: вполне приличные столовые везде по трассам кормили — не сказал бы чтобы особо хорошо, — но ничего, съедобно и за сущие копейки. Придорожные кемпинги, в которых обязательно имелись закусовые — не через километр, но имелись, и мест в них хватало. На нынешние деньги номера в кемпинге были не очень дешевы, потому советский человек норовил переночевать в машине или в палаточке, поставив ее рядом с машиной где-нибудь в лесу. А вместо полноценного обеда в столовой или закусовой, где за него отдашь целых три рубля на троих — на бензиновом керогазе, в котелочке суп с тушенкой. И салатик из огурцов с помидорами, политый постным маслом. Нормально, чего уж там. Не все таскают с собой пачки денег и чеков из «Березки» — как я.

Комната была небольшой, две кровати, относительно чистые простыни — все, как в обычной дешевой провинциальной гостинице. Черно-белый телевизор, который мы и не пробовали включать, на удивление прохладно — что очень радовало, учитывая отсутствие кондиционера и жару на улице.

Само собой — горячей воды не было, так что пришлось мыться холодной. В Союзе летом горячую воду отключают — нефиг ее греть, если и на улице стоит жара! Надо приучать человека прео-

долевать трудности, и так победим. Может, где-то и есть горячая вода летом, но только не здесь.

Ольга лезть под ледяные струи отказалась — умылась, ополоснула ноги, и мы с ней пошли в закусочную, где вполне неплохо поели, отказавшись от похожего на помои чая. Запили ужин газировкой — «Буратино», такой, черт подери, ностальгический вкус! Брр... Если бы не был холодным — пить эту дрянь просто невозможно. Альтернатива — пиво, но пива не было. Никакого. Это вам не сельский магазин 2018 года, где сортов пива насчитаешь штук двадцать, не меньше.

Нет, я не ностальгирую по своему времени, по 2018 году. Дерьма там было больше, чем здесь. Но идеализировать 70-е тоже не собираюсь. Сказки о молочных реках с кисельными берегами, которые имели место быть в советское время, вызывают у меня только усмешку и раздражение. Зачем люди придумывают советский рай, когда райского в нем не было совершенно ничего? В каждом строе есть свои хорошие черты, а есть плохие. Память людей избирательна, и почему-то запоминают они только хорошее. А плохое, такое, что сразу бросается в глаза человеку из будущего — это почему-то наглухо забыто.

Зачем я поехал в Одессу? Да еще и так — «дикарем», с обычными документами, без поддержки власти? Возможно, именно потому, чтобы напомнить себе — зачем я здесь. От чего хочу избавиться свою страну и чего хочу добиться. Чего именно? А много чего. «Двумя словами» — хочу, чтобы наши люди жили по-человечески. Чтобы в номере оте-

ля была горячая вода, а в закусочной — двадцать сортов пива. И чтобы чай был не мутной бурдой, а настоящим чаем. Но при этом — пусть будет СССР. Другой СССР. Правильный. Самый могучий и самый процветающий в мире. Именно процветающий, а не просто могучий. Танки у нас умеют делать, а вот что-то для человека... с этим у нас беда.

Усмехнулся — «у нас»! Я так вжился в этот мир, что он для меня стал своим. Рассуждаю, как его абorigен: не «у них», а «у нас». И это правильно. Похоже, что я застрял здесь навсегда. Значит — это и мой мир.

Встали мы поздно, в начале десятого. А куда торопиться? Мы что, опаздываем? Умылись, собрались, отнесли вещи в машину, а потом я сдавал номер горничной, которая внимательно пересчитала все наволочки и простыни — не дай бог подозрительная парочка унесет их с собой. Снова позавракали в закусочной, ограничившись бутербродами с колбасой и тем же самым до отвращения приторным «Буратино», и в одиннадцатом часу утра уже катили по шоссе, радуясь утренней прохладе и свежему ветерку. Солнце укрылось за облаками, и похоже, что будет гроза. Чего не очень хотелось — придется закрывать окна, а значит, будет душно, и моя драгоценная боевая подруга, она же законная жена — может устроить нам немалые проблемы. Смешно, но добыть полиэтиленовые пакеты оказалось большой проблемой. Здесь они в каждом магазинчике не продаются. Вернее, так — они тут вообще не продаются! Потому альтернативы открытой дверце или открыто-

му окну — нет. Высовывайся и делай свое грязное дело.

Честно сказать, я в очередной раз пожалел, что поехал на машине. Не ожидал, что от беременности у Ольги будет такая интоксикация. Похоже, что она сама такого не ожидала — первая беременность у нее протекала гораздо мягче. Но что есть, то есть. Правда, до Одессы осталось совсем немного, по меркам конца 20-го века — километров пятьсот, не больше. Если судить по атласу автомобильных дорог.

* * *

Администратор гостиницы «Континенталь», что на Дерибасовской, 5, не подняла взгляда на того, кто подошел к стойке. Она была занята. Есть дела и поважнее, чем праздношатающиеся граждане, которые норовят проникнуть в гостиницу, в которой всего-то пятьдесят номеров. Да и те не для всякого. Сейчас — самый сезон, так что почти все номера заняты. Почти — потому что всегда остается бронь для Особо Важных Персон. И уж точно не для каких-то там рабочих и крестьян. Впрочем — рабочие и крестьяне и не подумают зайти в эту гостиницу, одну из старейших и самых пафосных в городе, они пойдут в частный сектор и снимут комнату в курятнике, рядом с будкой собаки. Потому что им надо подешевле, а хорошо дешево не бывает.

Наконец администратор дописала бумажку (это был обычный бланк учета) и медленно, как Вий, подняла взгляд на посетителя (Поднимите мне веки! Вот он!). И едва не вздрогнула! Вот уж кого

она не ожидала тут увидеть, так это подобную личность! Парень, коротко стриженный, очень молодой — лет двадцать на вид, не больше. Довольно-таки красивый или скорее — мужественный. Жесткое лицо с крутыми скулами, темные глаза, смотревшие остро и чуть с насмешкой. Бросались в глаза его плечи и руки — невероятно развитые, жилистые, просто какие-то нечеловечески мускулистые. Вероятно, такие бывают у спортсменов — пловцов или гребцов. Да и то вряд ли. В этих руках не было ничего нежного, пухлого, круглого — кроме мышц, выпирающих бугорками. Вздувшиеся крупные жилы переплетали руки, как система маленьких рек вокруг полноводной Амазонки, большие кисти рук пугали — схватит такими руками и...

Почему-то этой женщине вдруг захотелось, чтобы этот парень схватил ее этими самыми руками и прижал к себе... так, чтобы у нее перехватило дыхание! В животе запорхали бабочки, и стало тянуть низ живота. Сейчас она согласилась бы даже на ласки мужа — унылого, рыхлого мужчины с отвисшим торчащим животом, любителя футбола и «Жигулевского». Ей всего-то сорок лет, а постельных удовольствий, которых требуют душа и тело — раз, два и обчелся... хорошо, если раз в месяц. Проклятый импотент!

И вот сейчас она решилась — давно на нее заглядывается электрик Володя, и намекал не раз и не два — совершенно недвусмысленно. А она, верная жена и не сторонница отношений на работе — отфутболивала его раз за разом, и раз за разом чувствовала горечь и досаду: почему бы и нет?! Что

ей, похоронить себя как женщину?! Ну да, у нее пяток лишних килограммов, она не такая, как... *эта вот* подружка нового гостя, или кто она там ему, но все еще стройная, сочная и очень, очень отзывчивая на ласку!

Задумавшись, администратор не услышала вопроса, а когда спохватилась, попросила повторить:

— Что, что вы сказали? — и почти с ненавистью уставилась на молоденькую спутницу парня, ужасно похожую на Наталью Варлей. Вот как две капли воды похожую! Сестра? Везет же бабам! Кому-то вот такой самец, с которым хоть на край света убежишь, а кому-то... она представила вялое мужское достоинство своего мужа, которое надо долго и трудно приводить в боевое состояние, и едва не зарычала от разочарования.

А еще — вызверилась и на этого красавца, который сейчас не к добру пришел сюда и подразнил тоскующую по любви душу. Он ей не достанется — никогда и ни за что! Это Мария Львовна знала наверняка, и единственным способом избавиться от наваждения — было выбросить парня из памяти, а для этого выгнать его из гостиницы так, чтобы треск пошел по всей Дерибасовской! Ишь, приперся, ему что здесь, ночлежка?! Тут богатые и знаменитые останавливаются, а не всякая юная шантрапа!

— Мы бы хотели снять номер примерно на неделю, — с легкой улыбкой повторил парень, и от этой улыбки трусики администратора намокли, а голос вдруг дрогнул и едва не «дал петуха».

— Нет свободных номеров! Идите в частный сектор! Там и подешевле будет! — отбрила она, чув-

ствуя, как отпускает возбуждение. Какой бы он ни был красавец-мужчина, какую бы мужскую власть ни имел над женщинами (и над ней лично), а она тоже может показать свою над ним власть! Пнет — и полетит он ясным соколом на Молдаванку, снимать угол у вонючей, пропахшей козым пометом старухи!

— Я же не просил подешевле, — пожал могучими плечами парень. — Вообще-то я хочу снять самый лучший номер, какой у вас есть. Люкс.

— Нет! Ничего нет! — закусила губу администратор, невольно заглядывая за стойку и рассматривая подругу гостя с ног до головы. Как она и думала — юбчонка девки короткая, из-под юбки торчат безупречно гладкие, длинные, загорелые ноги без намека на целлюлит. А у нее, несчастной Маши, уже и растяжки, и «апельсиновая корка», и муж, сука, которого надо раскачивать в постели полчаса, не меньше, а потом он десять раз дернет-ся, кончит и спать заляжет! Ууу... ненавистный!

— И вообще — мы селим в один номер только мужа и жену! А кроме того, нужно командировочное удостоверение, чтобы поселиться, это вам не... это!

Ее несло, и она уже не понимала, что говорит. Она вдруг представила свои ноги на плечах этого парня, его руки на ее бедрах, и ей захотелось заплакать. Ну почему, почему все в мире этим юным сучкам, которые и любить-то мужчин как следует не умеют?! Неужели все, жизнь прошла и не будет ей больше счастья?! Она бы сделала для него все на свете!

— Мы будем очень благодарны. — Парень вдруг подмигнул и приблизил свое лицо близко к лицу администратора. От него пахло зубной пастой и чем-то неуловимым — то ли чувствовались следы хорошего, дорогого одеколona, то ли так пах шампунь, которым он недавно мыл голову. Зубы парня белые, ровные, красивые... будто искусственные! Не то что у мужа — кривые и желтые.

И зачем она выходила замуж за этого придурка? Может, еще не поздно все изменить? Тот же элек-трик — вполне себе симпатичный мужчина и вдо-вец. Жена у него несколько лет назад умерла после болезни. Дочка осталась, в прицеп... так это ничего! У нее тоже дочка! Может, и сладится? А этого без-дельника Кольку — долуй!

Администратор вдохнула запах чужого мужчи-ны, глубоко вздохнула, опомнилась:

— Извините, но...

Парень протянул ей паспорт, из которого тор-чал краешек двадцатипятирублевки, подмигнул:

— Это вам. За услуги. Мы с женой пробудем в городе с неделю, не больше, хотелось бы пожить в хорошем номере. Такая, как вы, интересная жен-щина нас поймет — у нас медовый месяц, и вот хо-телось бы... поможете?

Администратор посмотрела на парня, на де-вушку, у которой явно намечался животик, и вдруг смягчилась: и правда, чего она так вызверилась? Все Колька виноват и... недотрах. Если есть деньги — так пусть живут в Президентском номере.

— Президентский возьмете? — улыбнулась она и, после того как улыбка украсила ее лицо, сдела-

лась моложе, красивее и желаннее. Как и большинство женщин.

— Только дорогой он очень! — будто извиняясь, сказала она, искоса поглядывая на бумажку в паспорте. Обычно дают десятку, не больше. Реже — пятнадцать рублей. Но чтобы вкладывали «барашка» — четвертной, — она такого не помнит. Что же, заработать за день четвертак... это очень неплохо. И хорошо примиряет с собственными желаниями. — Пятьдесят рублей в сутки!

Девушка-«Варлей» тихонько охнула, а парень лишь широко улыбнулся:

— Давайте я сразу за неделю оплачу. Если дольше задержимся — так еще доплатим. Горячая вода есть?

— Конечно! — зачастила администратор, принимая паспорта. Четвертной из паспорта испарился, как по волшебству. Ловкость рук, и никакого мошенничества! — И горячая вода есть, и японский кондиционер, четыре комнаты — кухня, в том числе, если захотите что-то себе сготовить. Кстати, можно заказать еду в номер. У нас отличный ресторан — готовят очень недурно и недорого! Тем более — для вас. Вы на машине, как я поняла?

— Да, «жигуленок», — ответил парень, снова улыбаясь администратору своей слегка хищной, но яркой и обезоруживающей улыбкой, как какой-то известный киногерой. И кстати — администратор голову готова была дать на отсечение, но она где-то видела это лицо, эту улыбку. Но где — вспомнить никак не могла. Память на лица у нее была просто